

Ирина Каспэ

Natasha Grigorian. Visions of the Future: Malthusian Thought Experiments in Russian Literature (1840–1960). Boston: Academic Studies Press, 2023. 134 pp. ISBN 9798887190556.

Ирина Каспэ, независимая исследовательница, Россия. ikaspe@yandex.ru.

Томас Мальтус известен теорией, согласно которой рост общественного благосостояния и производства товаров должен сопровождаться ростом численности населения, что в конечном счете приведет к экономическому кризису и массовому голоду, а численность населения, соответственно, вновь снизится. Однако рецензируемая книга обращает внимание на мальтузианство не только и не столько в связи с этими безрадостными прогнозами, сколько в связи с формой, в которой они были представлены. Автор монографии считает Мальтуса одним из изобретателей особого типа письма на стыке литературного повествования и научной полемики: в «Опыте закона о народонаселении» (1798) для убедительного доказательства собственной гипотезы Мальтус задействует образные и риторические ресурсы фикциональной литературы, описывая расцвет и падение вымышленного общества (с. 6).

Определяя такой тип повествования как риторический (или литературный) мысленный эксперимент, Наташа Григорян, специалист в области сравнительного литературоведения и европейской культуры XIX–XX веков, собирает в новом исследовании любопытную коллекцию литературных текстов, так или иначе апеллирующих к мальтузианству и при этом во многом воспроизводящих те же принципы повествования и риторические стратегии, которые использовал сам Мальтус. Две новеллы из «Русских ночей» Владимира Одоевского (1864), «Четвертый сон Веры Павловны» из романа Николая Чернышевского «Что делать?» (1863), «Красная звезда» (1908) Александра Богданова, «Аэлита» (1923) Алексея Толстого, «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) Александра Чаянова и рассказ Нины Берберовой «Памяти Шлимана» (1958) – все эти разнородные тексты Григорян прочитывает как мысленные эксперименты, опровергающие мальтузианскую гипотезу перенаселения и/или предлагающие альтернативную точку зрения на ту же демографическую и экономическую проблему.

Таким образом, перед нами оказывается интересный материал, свидетельствующий о рецепции мальтузианства в России и русской эмиграции: как подчеркивает автор, несмотря на общеевропейскую популярность концепции Мальтуса, все герои данного исследования воспринимают ее скорее негативно. Но центральная проблематика монографии все же иная – она находится в плоскости литературной теории и, по утверждению самой Григорян, философии. Выявляя, анализируя и типологизируя литературные мысленные эксперименты – повествования, основывающиеся на логической формуле «Предположим, что событие X произошло», – автор монографии прежде всего ставит вопросы о возможностях фикциональной литературы: о том, как именно литературе удастся воздействовать на читателя,

влиять на читательское мнение, в некоторых случаях даже пропагандировать, «продвигать» (с. 110) определенные идеи или системы взглядов. Иными словами, о том, что делает вымышленное повествование таким убедительным и, как ни парадоксально, более «правдоподобным» в репрезентации образов будущего, чем фактуальные высказывания, опирающиеся на абстрактную аргументацию.

Это интересная постановка вопросов, однако стоит сразу отметить, что она конституирует особый – функционалистский и, рискну сказать, «старомодный» – способ смотреть на литературный текст. Такой взгляд основан на дихотомии «формы» и «содержания». Если исходить из того, что «художественная форма» используется для работы с идеями, литературный текст в этом ракурсе начинает видеться обладающим определенной и отчетливой «целью», «функцией» – он призван донести авторские идеи до адресата или, в лучшем случае (в случае «открытых» повествований), стимулировать самостоятельные читательские размышления на волнующую автора социальную тему. Например, сравним:

[Новеллы Одоевского] «Последнее самоубийство» и «Город без имени» имеют аргументативную цель – или даже ряд аргументативных целей, – лежащих в основе их повествовательной структуры: таким образом, философская основа этих текстов заключена в аргументативный формат» (с. 35);

Чаянов создал инновационную, разностороннюю и ставящую саму себя под вопрос версию литературного мысленного эксперимента, функция которой состоит не столько в том, чтобы изменить степень веры читателя в ту или иную теорию или идею, сколько в том, чтобы спровоцировать независимое мышление (с. 93);

Цель текста Берберовой – не доказать или опровергнуть мальтузианскую теорию, а, скорее, показать тревожащую экстраполяцию актуальных демографических и экологических тенденций в будущее. [. . .] Мысленный эксперимент Берберовой служит [functions as] эффективным предупреждением для читателя, призывающим нас сохранять природные ресурсы планеты, чтобы у человечества могло быть будущее (с. 100–103).

Иначе говоря, оптика интерпретатора здесь настроена на различение исключительно прагматичных модальностей литературного письма: литературный текст эмоционально вовлекает нас (Григорян исследует эффекты вовлеченности, опираясь на изеровскую концепцию читательской идентификации (Iser [1974] 1980) и «соматическую теорию» Дугласа Робинсона (Robinson 2008)), но лишь для того, чтобы рационально *доказать, показать, предсказать, предостеречь, призвать к действию во имя будущего*. Возможно, такая модальная рамка в общих чертах соответствует писательским интенциям Одоевского или Чаянова, но она явно тесна для романов Богданова, Толстого и особенно для рассказа Берберовой с его экзистенциальным отчаянием и библейскими аллюзиями.

Тут мы сталкиваемся если не с недостатком, то с довольно досадным ограничением предпринятого Наташей Григорян исследования. Пытаясь представить мысленные эксперименты в качестве особой литературно-философской традиции и рассмотреть избранные источники не как «разрозненные утопические и антиуто-

пические мечтания, укорененные в соответствующей исторической эпохе», а как тексты, принадлежащие к этой общей традиции и «находящиеся в диалоге друг с другом» (с. 111), автор монографии оставляет недостаточно проявленным историческое измерение. Читателям остается лишь строить собственные предположения о том, как, в какой культуре такая традиция возникла и с какими представлениями о литературе и мотивациях литературного письма связана. Определенно, у интересующей Григорян функционалистской модальной рамки литературного повествования есть культурные контексты, вплетенные в историю европейской рациональности и эмоциональности (будь то просвещенческий дидактизм или рождение идеологий и идеологических нарративов в XIX веке). И когда эти контексты, пусть в самых общих чертах, не обозначены, предложенная интерпретативная модель – конструкция литературного мысленного эксперимента – выглядит слишком герметичной и базирующейся на весьма формальных критериях.

Отдельное сожаление вызывает отсутствие в рецензируемой монографии каких-либо отсылок к *utopian studies* (Jameson 2005; Moylan and Baccolini 2007) и исследованиям научной фантастики (Suvin 1979). Это хорошо разработанные (прежде всего – с теоретической точки зрения) исследовательские области, которые позволяют говорить не об универсальных и разрозненных «(анти)утопических мечтаниях», а о культурном навыке утопического взгляда, об утопической оптике, характерной для культуры Нового времени и во многом сформировавшей субъекта этой культуры.

Здесь можно вернуться к, пожалуй, ключевой для книги Наташи Григорян теоретической проблеме – проблеме «правдоподобия», «вероятности», «реалистичности». Реалистичное/фантастическое, реалистичное/утопическое, реалистичное/символическое и, наконец, эмпирическая реальность / вымысел – вот основные координаты, в которых прочерчивается общий рисунок исследования. За такой постановкой проблем в литературной теории стоит богатая традиция, так или иначе связанная с предположением, что эффекты правдоподобия (как, впрочем, и эффекты фантастического) создаются за счет сложного повествовательного балансирования между подтверждением и нарушением читательских ожиданий.

Григорян выбирает следовать за структуралистской линией этой традиции, ссылаясь на концептуализацию «предсказуемого» и «непредсказуемого» у Майкла Риффатера (Riffaterre 1966), но оставляя за скобками, скажем, концептуализацию «обычного» и «необычного» у Цветана Тодорова ([1970] 1997) и тем более концепцию «когнитивного остранения», предложенную Дарко Сувином для анализа научной фантастики (Suvin 1979).

Заимствованное у формалистов «остранение» в трактовке Сувина перестает быть узко нарративной категорией и распространяется на инструменты и структуру познания: нарушение ожиданий тут будет означать и возможность поставить под вопрос принятые в культуре (прежде всего научные) нормы интерпретации и описания реальности (Suvin 1979:3–15). Еще один шаг – в сторону феноменологической социологии знания – позволил бы проблематизировать само понятие «эмпирической реальности». В этом случае за рамками литературного вымысла

окажется не только непреложная реальность персонального опыта, но и условная реальность коллективного знания – социальная конструкция, которая поддерживается за счет того же балансирования между предсказуемым (общепризнанным, обычным, узнаваемым, «типичным») и непредсказуемым (нарушающим привычные ожидания) (Шюц [1959] 2003). Думается, вопросы о том, из чего сделана «реальность» за пределами литературного текста, о том, что вообще представляет собой социальная конструкция «будущего» и с какими культурными потребностями связано желание его «вообразить» или «предсказать», могли бы придать работе Григорян бóльшую объемность.

Подводя итоги, исследовательница отмечает, что все рассмотренные ею повествования выстроены вокруг истории путешествия: читателям предлагается последовать за перемещениями персонажей и вернуться обратно, «обогатившись новыми идеями» (с. 109). Сосредоточенное следование за нарративным маршрутом и точный анализ риторических стратегий – безусловное достоинство рецензируемой книги. Возможно, затронутые в монографии проблемы требуют привлечения более широких – прежде всего исторических и социологических – ракурсов, однако в своей интерпретации фигур убеждения Наташа Григорян убедительна, и это делает ее исследование достойным внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Тодоров, Цветан. [1970] 1997. *Введение в фантастическую литературу*. М.: Дом интеллектуальной книги.
- Шюц, Альфред. [1959] 2003. «Тиресий, или наше знание о том, что произойдет завтра». С. 314–332 в *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Iser, Wolfgang. [1974] 1980. “The Reading Process: A Phenomenological Approach.” Pp. 50–69 in *Reader-Response Criticism: From Formalism to Post-structuralism*, edited by Jane P. Tompkins. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Jameson, Fredric. 2005. *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. New York: Verso.
- Moylan, Tom, and Raffaella Baccolini, eds. 2007. *Utopia-Method-Vision: The Use Value of Social Dreaming*. Berne: Peter Lang.
- Riffaterre, Michael. 1966. “Describing Poetic Structures: Two Approaches to Baudelaire’s *les Chats*.” *Yale French Studies* 36/37: 200–242.
- Robinson, Douglas. 2008. *Estrangement and the Somatics of Literature: Tolstoy, Shklovsky, Brecht*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Suvin, Darko. 1979. *Metamorphoses of Science Fiction*. New Haven, CT: Yale University Press.